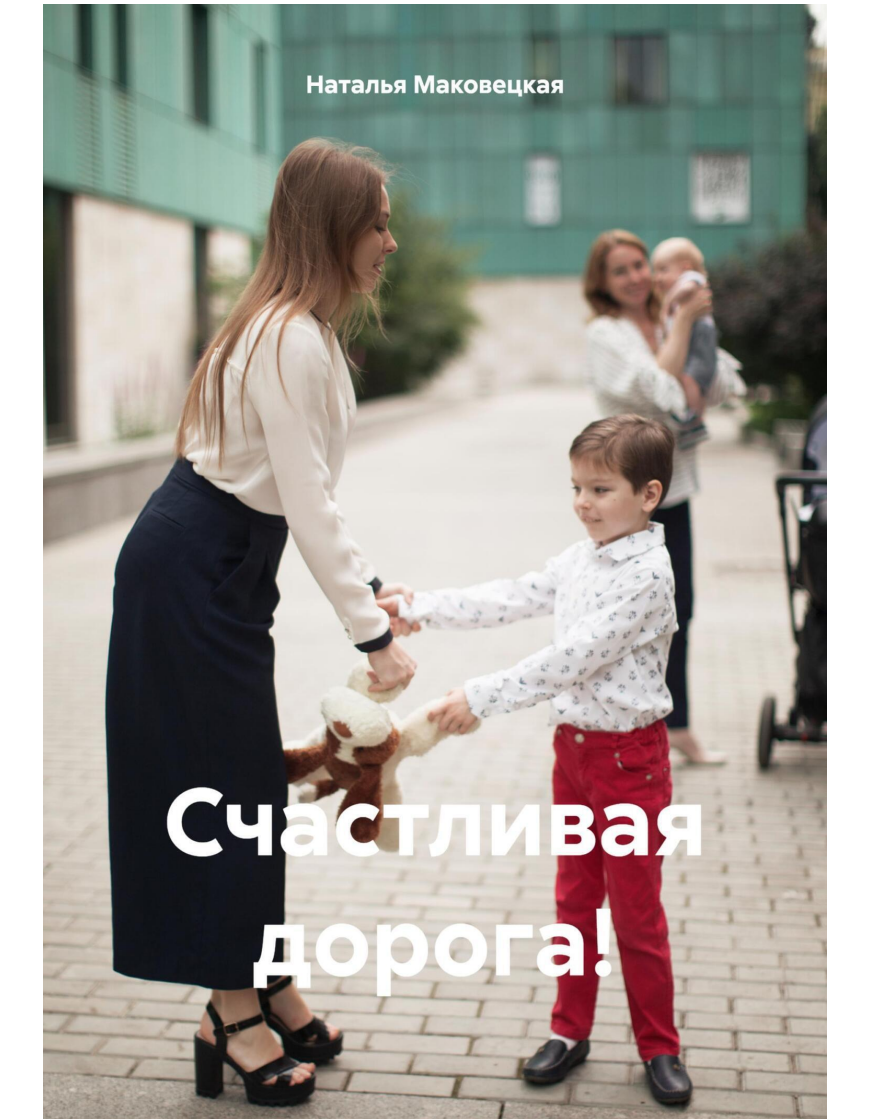

A photograph of a woman with long brown hair, wearing a white long-sleeved top and a dark blue skirt, interacting with a young boy on a paved sidewalk. The boy is wearing a white patterned shirt and red pants. They are both holding a large, brown and white stuffed animal. In the background, another woman is holding a baby, and a stroller is partially visible. A modern building with green panels is in the background.

Наталья Маковецкая

**Счастливая
дорога!**

Наталья Маковецкая

Счастливая дорога!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70943200

SelfPub; 2024

Аннотация

Записки о путешествиях по Греции, Черногории и России молодой многодетной матери и воспоминания о ее детстве. Фото для обложки сделано автором книги и изображает меня и мою семью.

Содержание

В Греции всё есть	4
Утро в Греции	7
Дыхание жизни	11
Ольга	15
Серфинг	18
Таня	21
Чапа	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталья Маковецкая

Счастливая дорога!

В Греции всё есть

Греция пахнет специями и соснами, шебуршит сухими шишками, прячется в траве юркой ящерицей, оглушительно орет день и ночь цикадой. Греция манит нежно-голубыми небесами и защищает от ярости солнца пухлыми облаками, кипарисы сторожат ее дороги между гор, а красные крыши древним своим покровом укрывают дома и даже покосившиеся заборчики.

Горы Греции вдохновляют и покоряют. Они лежат россыпью, прячутся друг за друга, как матрешки, разбегаются от взгляда наблюдателя при приближении. И вообще они очень скромные, чуть что – расступаются и дают проехать. Это горы-виноград, это горы – окаменевшая семейка опять. Как капли воды составляют единое целое, так и эти горы все вместе и есть Греция, хоть при приближении и рассыпаются на множество: хочешь – на две, хочешь – на десять, хочешь – на сто возвышенностей, а как только отойдешь поодаль – это снова единое целое: Греция.

Дороги здесь змеятся между гор, деревенок и городов узкими лентами, манят неожиданными поворотами, круты-

ми подъемами и многочисленными струящимися изгибами с резко обрывающимися в море страшными, но такими красивыми скалистыми пропастями.

Рощи олив с причудливо изогнутыми стволами, с нелепыми наростами на них, дуплами-дырами насквозь, многослойной корой, корнями, которые так тесно сплетаются между собой, то ли стараясь еще ближе породниться, то ли пытаясь задушить друг друга, – эти рощи стоят стройными рядами по обочинам дорог.

Камни, выточенные морем, разбросаны россыпью повсюду, то навалены горами, а то заботливо сложены в ровные ряды на пустырях.

Соль растворена не только в воде – почва и воздух пропитаны ею: в камнях, на которых растут деревья, и в самих деревьях, в дымке над горами – всюду соль.

Греция старая отжила свое: внезапно за поворотом дороги возникают развалины – фундамент строения, фрагмент стены, портик храма. Греция новая поднимается над всем этим частым подлеском, пушится зелеными сосенками над горами и скалами. И такое тут охватывает волнение, что непонятно, чему его приписать. В этой колыбели цивилизации невольно ощущаешь себя вернувшимся на родину после долгой, очень долгой разлуки. Как она была все это время без тебя? Как ты без нее?.. Это как вернуться в дом, где прошло золотое детство: ничего не помнишь, позабыл даже язык, но слуху приятна мелодия речи, хотя все вокруг другое, все

пришло в запустение: сняты со стен фотографии, убраны игрушки, детская кроватка, бабушкина книга... И хочется парного молока из грубой глиняной кружки, теплого, только что из-под коровы, с пенкой из воздушных пузырьков, даже ощущаешь его вкус во рту.

Другие, те, кому был нужен дом, заняли жилище, пока тебя не было, и ты им благодарен за это: хоть что-то сохранилось. Те, кто пришел после, живы и сейчас, — они поставили на греческий алтарь свои грязные ботинки, и нет в этом кощунства: они молятся своим богам. Они развели свои огороды на месте разрушенной крепости, и теперь там, где были неприступные стены, гордо реяли знамена и трубили в рог, мирно алеют помидоры, томится виноград. Новые жильцы, правда, часто в свои дневных трудах забывали поливать некогда любимое мое мандариновое дерево, и оно подзасохло, осыпались листья. Но не срубили же, оно выросло, и теперь несколько крупных зеленых плодов висят среди увядших ветвей и силятся созреть.

Да, в Греции всё есть. И есть место Греции в моем сердце.

Утро в Греции

Утром в Греции необыкновенно нежные розовые и голубые краски неба. Оттенки – невесомые, палитра – самая изысканная, плюс эфирные облака, которые закрывают благоухающее небо от жирной черной земли. Солнце отражается в море, золотит зеркало воды, и свет бежит к берегу, попадая прямо в глаза. А навстречу небу с поверхности моря поднимаются мельчайшие капли воды, и это дымчатое покрывало тумана, едва различимое на берегу, делает греческое утро сказочным.

У горизонта смутно вырисовывается контур острова. Самого острова не разглядеть за облаками и туманом, но можно представить, что он будто стоит над водой. Дымчатый, как Авалон, остров предстал во всем пудрово-розовом величии и теперь тихо исчезает, отступая на задний план, а лучи солнца косо перечеркивают его из-за облаков. Через четверть часа острова совсем уже не видно, и только редкие солнечные блики отражаются от того места, где он был.

А облака гонятся друг за другом по небу, время от времени цепляясь хвостами за горы, останавливая свой бег, выстраиваясь в цепочки, потом опять бегут, гоняясь за кораблями. Сегодня сильный ветер, я так радуюсь ему. Он дует с моря, заряжает энергией, наводит свой порядок, наполняет паруса, шляпы и пляжные зонты, гонит море на берег,

и оно тоже радуется, такое иссиня-синее, глубоко-васильковое, индигово-нежное. Белые его барашки гонятся друг за другом, соревнуясь с облаками, подражая им или просто отражаясь в небе. Временами они исчезают, зарываясь в синеву, с головой ухая ко дну, в жидкие васильки, но тут же выскакивают назад, играя в пятнашки.

Утро в Греции – это продолжение вчерашнего заката, только форте и в мажоре. Хотя случаются и пасмурные утра, когда небо струится на землю, выплакивая свои переживания в коротком и мощном ливне. Он всегда внезапно заканчивается, и небесные слезы сбегает по глинистой земле, возвращаясь обратно в море. Вода к воде.

Но сегодня утро кристально чистое, завораживающе прозрачное, как будто вымыли и море, и воздух, и дороги, и дома с черепичными крышами. И кота, что вылизывается возле кухни. Вымыли – и как следует пропылесосили.

И несется в этой чистоте воскресный звон колоколов соседней церквушки, созывая паству к молитве. И идут, отзываясь на зов, текут ручейки людей – благодарно поклониться, сказать спасибо за то, что живы, что наслаждаются каждым новым чистым днем у моря под облаками, на островках света и тепла.

После молитвы греческие семьи выходят из церкви: деды в пиджаках и галстуках, отцы в белых рубашках и брюках, женщины в длинных платьях, девочки в панамках и расширенных розовым платьицах; мальчикам позволено быть в шор-

тах и рубашках с короткими рукавами. Взрослые принимают дары – ломоть свежее испеченного хлеба и стаканчик вина – на дворике перед церковью. В тени под навесом стоит женщина в длинной юбке цвета сухой земли, в переднике и козырьке, трогательно заботится о хлебах, заворачивая грубую черную ноздреватую их плоть в расшитое крестиком белое полотенце. Руки ее двигаются плавно, немного скованы в суставах уставшие от работы пальцы – и лучезарна приветливая улыбка; челка закрывает глаза, выбиваясь из-под косынки, когда женщина наклоняется над своими корзинками.

Здесь, на церковном дворике, начинается неторопливая беседа мужчин о сущем; отдельной стайкой чирикают женщины. Дети сосредоточенно послушны и тихо ждут от взрослых свободы.

После все выходят за ворота. Несколько шагов вдоль заборчика вокруг церкви – и вся семья – девочка с мамой, бабушка с дедушкой – уже дружно собирает выброшенные морем ракушки. Неторопливо в сандалиях с толстыми подошвами они бредут по песчаному пляжу, время от времени останавливаясь, нагибаясь и поднимая с песка добычу, хвастаясь друг перед другом находками.

Солнце входит в свои права, и семейство, напуганное наступающей жарой, неспешно удаляется. Мужчины снимают пиджаки и закатывают рукава.

После полудня с каждой минутой становится все жарче. В своем небесном горне Гефест сжигает земное греческое

утро – вместе с бытом, традициями, эмоциями и страхами. Только море остается неизменным исключением, не попадая в переплавку. Так создается послеобеденный слой реальности, которая готовится к мягкому морскому вечеру, обдуваемому легким ветерком.

Когда жара спадает, жизнь возвращается постепенно и медленно, выплескивается сначала во дворы, затем, с открытием кафе и магазинчиков, перетекает на улицы. Но еще до прихода желанной вечерней прохлады ненавязчиво и исподволь наступает закат.

Закаты в Греции – это неземное суфле, чистейшая, взбитая с божественными сливками любовь. Что-то настолько нежное и невесомое, голубовато-розовых тонов, поданное изысканно и спокойно, с маревом дымки, с солеными оттенками моря и взбитыми облаками, с веточками зелени кипарисов и финиковых пальм. Только боги могут создать его и лакомиться им.

Ночь приходит быстро, со звездами, которые светят всю ночь тем, кому по силам не спать и любоваться небом.

А затем... затем опять наступает утро в Греции.

Дыхание жизни

Геракас – местечко на Закинтосе, куда мы попали совершенно случайно: просто решили купить арбуз и пойти купаться.

У мужа есть особенный талант: в любой стране мира, в любом городе, без карты, никогда ни у кого не спрашивая дорогу, он плутает, ездит кругами, путается в навигаторе, но дорога нас непременно приводит в волшебное место – на прекрасную полянку, в лесок, к милому ресторанчику, который просто так не найдешь. Однажды муж привез нас на пляж с лазорево-голубой водой, с двухметровыми волнами, сквозь которые просвечивало заходящее солнце. А из той белоснежной пены поверх волн, что мы увидели, наверное, и родилась Афродита.

В этот раз, выехав из отеля, мы повернули направо и поехали куда глаза глядят, нарезая круги и путаясь в дорожных петлях, как кот в нитках, любуясь красотой вечерних гор, сосен, кипарисов, огибая магазинчики, маленькие придорожные кафешки и рынки, на одном из которых и обзавелись искомым арбузом.

Геракас – это мыс, изгиб, край земли, место, где кончается одно и начинается другое. Вот и наша дорога: петляла-петляла – и вдруг ушла резко вниз и оборвалась, все скрылось за растущими здесь плотно деревьями. Сначала мы даже не

поняли, где оказались, из-за странного на таком крошечном острове ощущения отсутствия моря, ведь оно здесь везде.

Возле парковки мы обнаружили плакат, который в красках рассказывал всем желающим о том, что мы в заповеднике, на том самом пляже, где большие морские черепахи каретты, занесенные в Красную книгу Международного союза охраны природы, оставляют свои кладки, зарывая в песок яйца, из которых потом вылупятся маленькие черепашки.

На пляж ведет деревянный пандус, а чтобы на драгоценный песок не ступала нога человека, все пространство огорожено веревочками, так как большая его часть законно принадлежит черепахам, а люди здесь в резервации: лишь узкая полоска берега у воды и пара проходов от пандуса к морю оставлены двуногим. Все кладки огорожены и подписаны с каталожной точностью и прагматичностью, как в Ленинской библиотеке.

Песок здесь очень мелкий, как дамская пудра. Откалиброванный природой, он – словно пуховая перина для новорожденных черепашек. Линия прибоя – пологая, широкая и просторная, и все тут так гармонично, просто – красота божественная, природная.

Мне безумно понравился этот пляж – в прошлой жизни я, видимо, была черепахой. Муж тут же объявил, что он тогда был охотником на черепах.

Ни одной взрослой черепахи или маленькой черепашки, к глубокому разочарованию, увидеть нам не удалось, как я

ни таращила глаза, купаясь в мягких теплых волнах и вспоминая рассказы очевидцев о том, что встреча с ними всегда происходит неожиданно: просто слышишь, что рядом в воде кто-то начинает отфыркиваться.

Смотрители пляжа сказали, что вылупление должно начаться как раз с завтрашнего дня. И каким-то чутьем из прошлой своей черепашной жизни я ощутила вдруг присутствие не рожденных еще черепашек, шевеление их в пронумерованных горках-кладках под песком.

Кроме нас на пляже еще были люди – компании с детьми, влюбленные парочки, молодые и старики, все они шумели, бегали, перекрикивались, брызгались, производя шум, который отвлекает и мешает слиться с природой. Когда же в восемь часов вечера всех двуногих попросили со своим скрабом и мусором убраться с берега – пляж закрывался, тогда красоту этого места я почувствовала всей кожей с новой силой. Солнце, заходящее за пригорки на соседних островках, нежно заливало своим прощальным светом эту естественную, созданную природой детскую. Длинные неторопливые волны мерно и деловито набегали и своей мягкой размеренностью убаюкивали берег, словно качали люльку со спящим младенцем и ласкали его слух колыбельной. В этот момент мне показалось, что кладки, спрятанные мамами-черепахами, огороженные и подписанные волонтерами заповедника, оставленные без навязчивого внимания посетителей, будто начинали дышать и шевелиться, оживая. Это невидимое гла-

зу дыхание жизни, готовность родиться может почувствовать только уже некогда носившая ребенка женщина.

Вылупившись глубоко в песке, маленькие черепашки чувствуют и помнят стихию воды, выкарабкиваются, выбиваясь из сил, и инстинктивно стремятся укрыться в ее безопасной глубине. Не все доберутся до воды, не все вырастут, не все достигнут зрелости, преодолев опасности, но те, кому суждено стать мамами, те выживут, повинувшись воле судьбы, – и вернутся сюда, шестым чувством в волнах отыскав дорогу, выползут на берег, разроют лапами пудровый песок, отложат яйца, зароют кладку и уйдут, предоставив природе делать свое дело – вынашивать и укачивать новых малышей. И воздух будет гудеть над каждой кладкой, сплетая в ткань нити новой жизни, – и род черепах продолжит жизнь на Земле.

Ольга

Она уходит на доске с парусом в закат, а на носу доски сидит маленькая беленькая кудрявая дворняжка. Ольга подбирает всех бездомных собак, лечит, подкармливает и отпускает, но эта не захотела уходить. Теперь она тоже ходит с Ольгой в море.

Одну кавказскую овчарку, привязанную к будке коротким поводком за строгий ошейник, оставленную умирать, Ольга, тайком перебираясь через забор в чужой двор, кормила, снимала со «строгача», гуляла с ней по городу и возвращала обратно. Ну а «хозяева» собаки каждое утро удивлялись, что их пес еще жив.

Ольга – тренер детской школы серфинга в Анапе. У Ольги красивая фигура, сильные руки, непростой характер, мягкий подход к детям, необыкновенная любовь к жизни, к спорту и к морю – все для того, чтобы вырастить будущих чемпионов. Если благоприятен ветер и не мешает погода, если ученику интересно – тренировка будет длиться часами. Я знаю, я сама Ольгина ученица.

Еще лет десять назад Ольга тренировала моих Полину и Степу, а сейчас пришла очередь Толи. У нас есть еще в запасе Олег. Мы с Олегом на берегу ждем Олю и Толю, как раньше с Толиком ждали Полину и Степу. Мы ждем их возвращения из моря, словно семья рыбака. А море не отпускает

их – постоянно меняет цвет, манит кажущимся спокойствием, играет, исподтишка переворачивая волной доску, обдает холодными брызгами, пугает промелькнувшей под бортом огромной рыбиной и – пленяет: берег? зачем вам берег?..

Мы переложили уже все найденные в море камушки на берег и обратно, поспали, поели, сходили за мороженым для всех, съели всё его сами, потому что оно растаяло, загорели до черноты. И лишь когда солнце из зенита свалилось к горизонту, наши серферы пришвартовались.

В санатории уже закончился ужин, но поесть можно и позже, ведь общение с морем интереснее, чем унылая трапеза в душевной столовке. Мокрая челка на серых глазах Толи. Доску вытащить на берег, снять парус, отнести в ангар и повесить сушиться, снять гидрокостюм, тапки, опреснить, повесить, вытереться и переодеться... В каждом движении – удовлетворение от выполненного дела, преодоления себя. Сейчас можно сесть на скамейку и отдышаться, глядя на море, вспомнить урок, расслабить усталые мышцы, выпить пресной воды.

Пока Толик жадно пьет воду, Олег носится вокруг, визжит, тербит собаку.

– Оля, как твоя шея? – (Она ее вчера подвернула.)

– Не могу головой двинуть.

– Я взяла тебе телефон массажистки. Она хорошая, позвони ей.

– Я им не верю. Как ты узнала, что она хорошая?

– Она делает массаж мне вот так, как остеопат...

– Если так, давай телефон... Зачем ты приезжаешь в Анапу, Наташа? Ради нас?

– Нет. Здесь просто есть все то, что мне нравится. Сразу и всё вместе.

Серфинг

В компании спортсменов, горнолыжников, серферов, и туристов я чувствую себя свободно и как-то... по-настоящему. У них все по-настоящему. Взрослые работают вместе: кто-то занимается едой, кто-то готовит доски, все делят все поровну. Все подшучивают друг над другом, а вечерами поют песни у костра. Детвора дружной веселой гурьбой шастает вокруг – в воде, у воды. Ребята постарше берут доски и сами выходят в море; малышня виснет, будто гроздья облепили, вверх ногами на деревьях и лазает по крутым острым скалам, прячась в пещерах. Никто за детьми не следит – старшие присматривают за малышами.

В такой компании я никогда ничего не боюсь. Хотя тут, пожалуй, совершенно безбашенный народ: могут сорваться купаться ночью или вдруг рвануть куда-нибудь за десятки километров, потому что там ветер круче, взлететь со своим кайтом на скалы или заплывать на середину озера на серфе при стихнувшем ветре. Жди или выплывай – как знаешь.

Однажды на берегу, когда я несла серф к воде, мне в ногу воткнулся через ботинок старый шприц с ржавой иглой. От тяжести доски я укол, к своему ужасу, даже не сразу почувствовала. И незнакомые люди, серферы и обычные отдыхающие, отвезли меня на мотоцикле в травмпункт, подождали там, вернули обратно, а мои дети, оставленные на это время

на берегу, спокойно тусили, принятые в стаю «облепихи».

Тут всё делают от сердца, делятся всем, умножая добро и радость, так понимая жизнь. Мне это нравится больше, чем выгода, расчет, манипуляции и жлобское – втихомолку, под одеялом – «поедание печенья».

Серферы и кайтеры – обеспеченные люди. Они приезжают на дикий берег моря в одиночку, парами или с семьями на больших дорогих машинах – в другие не поместится все их оборудование, доски, паруса, метеостанции. Но общение тут самое простое и искреннее, без оглядок на бренды и достаток, и тут тоже бывают щеголи, простаки или ловеласы.

Мне больше нравятся такие, как Коля.

Чтобы не путать двух Колей, мы с детьми придумали им прозвища: наш папа – это Коля «добрый», а второй Коля – он «злой». При этом «злой» Коля – никакой не злой, он катает нас по всей Евпатории на машине, все время что-то готовит: то делает плов «с дымком» на костре, то заворачивает суши; то вытаскивает из Толиной ноги колючки, а то два часа спокойно отскребает зеленку с окна тети Тани – ровным слоем в редкий оттенок бриллиантового зеленого его покрасили ловкие ручки того же Анатолия. А Коля «добрый», как вы понимаете, добрый только на словах и в нашем воображении.

И вот этот Коля, который «злой», проделав путь на мотоцикле от Москвы до Евпатории, никогда и никуда не торопится. Ни-ко-гда. И эти его неторопливость и выдержка нам

очень нравятся. Я люблю часами наблюдать за методичным складыванием паруса, когда «злой» Коля расправляет каждый шнурочек и складочку. Дети помогают ему очистить парус от песка и грязи и аккуратно упаковать всё в специальные чехлы. И все это лишь для того, чтобы, приехав домой, тут же развернуть, опреснить и развесить парус на весь двор тети Тани. Для этого он обстоятельно освобождает нужное ему пространство, аккуратно выгоняя со двора на улицу все машины – от Сашиного микроавтобуса до форда Андрея.

Сначала он расстилает парус на земле, протягивает через весь двор шланг от колонки – вода там холоднющая, зубы стынут, но дети тут как тут, это очередная забава для них. И тогда Коля, опресняя поочередно все швы, командует де-творой, показно «злясь» на то, что они не помогают ему, и отчитывая их, что веселятся и брызгаются сами, включая без его разрешения колонку.

Наконец парус поднимают над землей, и он еще долго сохнет, заменяя тент и создавая тень и прохладу на дворе. Коты не смеют лазать по нему, собаки – гавкать в его сторону, а голуби – сбрасывать на него свой груз.

А Коля уже не «злится» – он спит на матрасе на улице под своим парусом, а доска и мотоцикл стоят рядом и ждут своего часа.

Таня

Тетя Таня – женщина, удивляющая меня своим энтузиазмом. Она намывает плиту и полы каждый день, драит плитку во дворе, высаживает вдоль дорожек розы редких сортов – такие, которые сначала желтые, в процессе цветения розовеют, а под занавес становятся алыми. У тети Тани статная фигура, полная комплекция и при этом убаюкивающая плавность движений, но это не мешает ей получать удовольствие от жизни и – самое главное – делиться этим удовольствием с окружающими.

На тете Тане дом, кухня, двор, дети и работа. Кухня в Танином хозяйстве – это отдельный маленький домик во дворе. Кроме плиты, колонки и холодильника там стоят большой кожаный раскладывающийся диван, в случае неожиданно наплыва гостей превращающийся в необъятное спальное место, стол и телевизор. Столом в кухне пользуются только хозяева, когда все вместе собираются посмотреть телевизор перед сном. Все приезжие трапезничают за столом на улице. Это фундаментальное сооружение – центр здешней жизни. В едином порыве в приступе мужской хозяйственности – пока не отпустило – стол был сколочен дядей Сашей из досок предыдущей кухни, так же резво в революционном запале разобранный им. Стол покрашен в синий, но Таня всегда в начале сезона стелет на него новую клеенчатую скатерть, ко-

торая веселенькой расцветкой задает тон всему летнему отдыху.

Тетя Таня любит вспоминать сборку стола – думаю, все-таки гордясь мужем:

– Прихожу с работы, а старой кухни нет! Все мои кастрюли, посуда, чайники, пачки соли и муки, банки с вареньями и компотами стоят на земле во дворе, гора досок тут же. Так мы и жили месяц, дождь поливал все эти мои кухонные пожитки, пока Сашка соорудил новую кухню.

Стол стоит близ стены большого дома, по обе стороны от него – две большие синие лавочки без спинок, но случается, что не все присутствующие могут уместиться на них. Сверху над столом – навес, который сварил еще отец дяди Саши, мужчина старой закалки, со стальным голосом, стальным стрежнем и стальной бородой. Когда он был полноправным хозяином родового гнезда Лукьяновых, мы еще детьми приезжали сюда с моей младшей сестрой и мамой. Ровно в шесть утра каждый божий день, включая выходные и праздники, отец Сашки старой электрической бритвой начинал наводить полагающуюся мужчине красоту, и эта бритва врезалась в его щетину с визгом газонокосилки, разбивавшим вдребезги все наши мечты об утреннем летнем сне. Мы спали с открытым окном, чтобы хоть немного воздуха попадало внутрь спальни; вечером было жарко, все ворочались и не могли уснуть, а с трех утра свет проникал через окно и будил нас. Тут же начинали орать петухи, после петухов наступа-

ла прохлада, мы начинали подремывать, но все портил визг «газонокосилки».

Навес, под которым Сашка сколотил стол, – такой же монументальный и непостижимый, как и его отец-основатель: высоченные столбы, забетонированные снизу, разные по длине трубы синих перекладин, составляющих каркас, облюбованный увившим его виноградом. Виноград здесь только для того, чтобы защищать это место от солнца, никому и в голову не приходит есть его.

Справившись с дневными делами, Таня вечерами за столом рассказывает какие-нибудь смешные истории из жизни – своей и отдыхающих. Как ей удастся во время рассказа сохранять серьезный вид, я не знаю, но ее добрые карие глаза искрятся смешинками. Историй у нее много, и каждая – кладезь традиций и укладов, диалектов русских и украинских, сельских и городских. А еще они – источник сведений о том, как провести отпуск так, чтобы потом не было мучительно больно: где купаться, куда сходить вечером, где покупать фрукты...

Когда все истории рассказаны, тетя Таня придумывает развлечения сама. Однажды, когда я мылась в душе, она подослала туда Артемку, уверяя, что там никого нет. При этом вся честная компания удобно расположилась амфитеатром на ступеньках крыльца дома, предвкушая мои визги и вопли, – ничего святого у людей нет. Но Артемка – стреляный воробей, сын своей матери, на мякине его не прове-

дешь, он что-то заподозрил, уже стоя наготове, в трусах, тапках и с полотенцем, и разочаровал зрителей, не сунувшись в душевую.

Конечно, мы, я и мои дети, тоже являемся неиссякаемым источником для пополнения запаса историй тети Тани. Думаю, не одно поколение отдыхающих весело смеялось, дружно ахало и пугало своих детей рассказами о том, как мой Степан, играя в прятки, залез в маленькую дверку под домом, где лежали наточенные косы и другие опасные инструменты, или как он полез на чердак и упал с верхней ступеньки лестницы. Один раз, когда дети болели и остались дома, Полина раскрасила Степана моей косметикой, нарядила в свою юбочку, кофточку, и они пришли на кухню: он, «в образе» и с ее розовым зонтиком, и она, «стилист», скромно державшаяся позади, оберегая свою попу от возмездия.

А в шесть утра Степан (он ранняя пташка, в отличие от нас с Полиной, мы можем спать летом до обеда) выходил во двор, брал палку и колотил ею по перевернутому ведру, пока Артем, только вернувшийся под утро с гулянки и не успевший толком заснуть, не вызверивался на него. Сначала просил не шуметь, потом забирал палку, закидывал ведро на крышу кухни. Но Степан придумывал все новые и новые способы извлечения шума из домашнего инвентаря, и в итоге, понимая, что разговаривать с «этим балбесом» бесполезно, Артем откладывал сон и брал Степу в оборот: парни начинали делать зарядку, подтягиваться на перекладине ворот

или отправлялись в дальнюю булочную за хлебом к завтраку.

Я, кстати, тоже человек-«чепэ» и участник незабываемых историй, так что Степан – он в меня. Однажды мне залетела в ухо бабочка – конечно, посреди ночи. Вам смешно, а это ведь такой ужас, когда у тебя в ухе кто-то совершенно посторонний и без признаков интеллекта щекочет, забираясь, кажется, поглубже, куда-то в мозг. Пришлось ехать извлекать «чужого» в травмпункт, дядя Саша меня отвез, смеясь и преодолевая природную мужицкую лень, но сострадание при виде моей физиономии было сильнее.

Татьяна, между прочим, обладает потрясающей интуицией, и мне кажется, что это признак аналитического ума и большого жизненного опыта. Слова, случайно сорвавшиеся с ее языка, имеют удивительное свойство воплощаться в реальность. Еще она знает, помимо курьезов, случавшихся с отдыхающими, множество фантастических, волшебных и даже сказочных историй.

– Крым – это аномальная зона... – начинает она, и тут не поспоришь. – Евпатория – удивительно аномальный город, здесь триста шестьдесят дней в году солнце... – В этом месте слушатели радуются, пересчитывая в уме шесть уже пережитых дождливых дней из небогатого отпуска, и понимают, что всё – теперь только солнце, море и загар. – Особенно Рабочая улица, – продолжает Таня, и начинаешь чувствовать гордость от того, что и ты теперь здесь. – А перекресток рядом просто какой-то бесовский – каждый день там бьются

машины...

И дядя Саша, усевшись на маленькую табуретку в ожидании вечерней сказки от жены, подтверждает:

– Да-а...

– А однажды там взорвался баллон с газом, и у нас как бухнет – так все стекла повывлетали!.. – И вот уже публика от восхищения не дышит и ловит каждое слово. – Один раз осенью я выхожу во двор... а у нас здесь летает по двору НЛО! Вот честно, и Сашка видел... – Сашка отмахивается, напускает загадочный вид, начинает опровергать, после чего еще больше веришь Татьяне. – И Артем с Машей видели! Вот такое светящееся что-то, сгусток света, сначала над бытовкой зависло, а потом резко так в сторону – и поплыло туда, к туалету... и исчезло. Вот что это такое было?

А нам потом не уснуть. Лежишь, ворочаешься и думаешь про НЛО всю темную южную ночь. И даже в туалет вставать лишний раз не хочется...

Коты и собаки у них тоже необыкновенные. Рыжий, например, садится за стол на отдельный стул, когда хозяйева чаевничают, и начинает подмуркивать в такт разговору. А Рекс, эрдельтерьер, однажды зарыл где-то на дворе фотоаппарат, стянутый им у отдыхающих.

Татьяна – она как магнит, притягивает к себе и не отпускает. Я считаю, это и есть самая обыкновенная женская магия. Таня режиссирует жизнь вокруг себя, подталкивая окружающих, мужа, детей, внуков, друзей, подруг на то, чтобы взять

казан и отправиться с ночевкой на Мангуп. А потом рассказывать всем желающим удивительнейшие истории о том, как ночью кто-то долго хрустел рядом с палаткой, где спали дети, «а вышли – никого нет». И от этого мурашки по коже, шкура ходуном ходит, но возникает детское желание слушать истории еще и еще.

– Таня, хочу с вами на Мангуп! Вы когда в следующий раз туда?..

Чапа

Чапой звали маленькую собачку-компаньона, очень похожую на пекинеса.

Татьяна работала на рынке и однажды принесла оттуда маленького кирпично-рыжего щекастого щенка с приплюснутой мордочкой, при этом хвост у собаки был завернут предательским дворовым бубликом. Войдя в дом, Чапа сразу по-хозяйски вспрыгнула на хозяйское кресло, дала себя вымыть, вычесать длинную рыже-черную шерсть, накормить – и захрапела. Именно захрапела, как храпит взрослый здоровый мужик, аж страшно стало! Такая собака может защитить дом одним своим храпом. А когда она бежит на своих коротеньких лапках, хрюкает и задыхается, то ее испугается кто угодно, даже я, хоть я и не из пугливых.

Оказалось, что приблудившаяся к Тане на рынке Чапа сбежала от цыган, и цыганская диаспора без последствий эту потерю не оставила. Сначала к дверям дома на Рабочей прискакали два цыганенка – черненькие и чумазые, как чертенята из «Сказки о попе и о работнике его Балде», и стали клянчить:

– Отдайте нашу собачку!

Чапа, увидев цыганят, спряталась под кресло, перестала дышать и даже как задыхаться забыла. По-цыгански, кстати, у нее была другая кличка, но я забыла, какая именно, а Чапа

подсказать мне не смогла.

Необходимо упомянуть, что характер Чапы – несмотря на всю ее внешнюю породистость – закалялся в цыганском таборе. При взгляде на Чапу казалось, что перед нами милая комнатная душенька с барскими привычками салонной суки – и временами так и было: в Чапе взыгрывала дворянская кровь, она вспоминала о своем «происхождении» и валялась тогда днями на подушках, изображая чистокровного пекинеса, требовала, чтобы ее носили на руках, купали и баловали. Маша, фактически ставшая ее хозяйкой, дочь Тани, ловила эти редкие моменты и была рада поиграть со щенком как с куклой – привязывала бантики и красила Чапе ногти. Но иногда Чапа показывала себя с другой стороны, таборной, свободолюбивой и даже наглой, демонстрируя, что умеет постоять за себя. В такие моменты с презрением относилась она к чистоте, носилась по пыльному двору, длинным хвостом собирая репейники, гоняла мух и голубей, ощущая себя маленькой разбойницей, и затевала перепалки с уличными собаками, конечно, когда ворота были закрыты.

Ну и, разумеется, Чапу, которую успели полюбить, отказались выдавать прежним хозяевам. Но когда вместо цыганят пришли представители диаспоры ростом повыше и понаглее, предложив помериться силой, Чапу им пришлось отдать. Но уже через неделю она опять нашла на рынке Таню и вернулась в ее дом. И когда в следующий раз ее снова пришли забирать ребята из табора, разговор с ним взял на себя

наш главный «Балда», дядя Саша – человек, при всей своей простоте обладавший харизмой, уверенностью в себе, кроме того – высокий и крепкий. Он объяснил переговорщикам терпеливо и доходчиво, что раз собачка возвращается назад, никто не заставит ее жить в другом доме, «а мы вам за нее денег дадим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.